В. П. Лукьянин

КРУПНЫЙ УЧЕНЫЙ — ФИЛОСОФ «ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ»

Об академике С. С. Шварце

Я был уже начинающим доцентом кафедры эстетики, когда академика С. С. Шварца еще можно было невзначай встретить в коридорах Уральского университета. Во время таких встреч я с ним ни разу не общался — просто потому, что не был знаком, — но всякий раз какая-то зарубка в памяти оставалась. Примерно, как тогда, когда, например, увидел Р. Я. Плятта в очереди к молочному отделу в московском гастрономе или Д. С. Лихачева… не скажу где. В общем, ясно понимал, что вижу человека необыкновенного, выдающегося. И опять-таки: трудов его я не читал, с научными идеями не был знаком — просто в те времена в обществе был очень высок престиж науки, интеллекта; выше звания академика не было для нас знака, удостоверяющего достоинства человека. Академиков же в уральской столице было тогда всего пятеро, их фамилии, записанные в самом естественном — алфавитном — порядке, звучали, как стихотворение, и это «стихотворение» знали, кажется, все: Вонсовский, Красовский, Постовский, Садовский и — Шварц.

Так вот, когда стало известно, что на очередном теоретическом семинаре философского факультета (в обиходе говорили: на объединенном заседании кафедр) с докладом выступит академик С. С. Шварц, самая вместительная аудитория на «философском» этаже была переполнена. Доклад, помнится, назывался «Диалектический материализм и естествознание» (или что-то очень близкое по смыслу) и длился — без перерыва — два с половиной часа. Никому не показалось, что слишком долго! С тех пор прошло уже больше тридцати лет, из деталей помню совсем немногое, но общее впечатление по сей день в памяти живо: огромный и не расхожий фактический материал, великолепное умение говорить о сложном просто и доступно (к слову, многие положения Станислав Семенович пояснял, чертя или рисуя мелом на доске), смелость обобщений и убедительность выводов, заразительная увлеченность темой… И самое неожиданное — этим наблюдением я сразу же тогда поделился с кем-то из коллег, и оказалось, что впечатления наши совпали: из всего доклада неопровержимо следовало (хотя «вербализовано» и не было), что диалектический материализм академику Шварцу вот ни столечко не нужен!

Нет, Станислав Семенович отнюдь не рушил «устои», не «ревизовал» «краеугольные истины» насчет «материя первична — сознание вторично», насчет единства и борьбы противоположностей; можно согласиться, что и постулат о материальном единстве мира занимал надлежащее место в числе теорети-

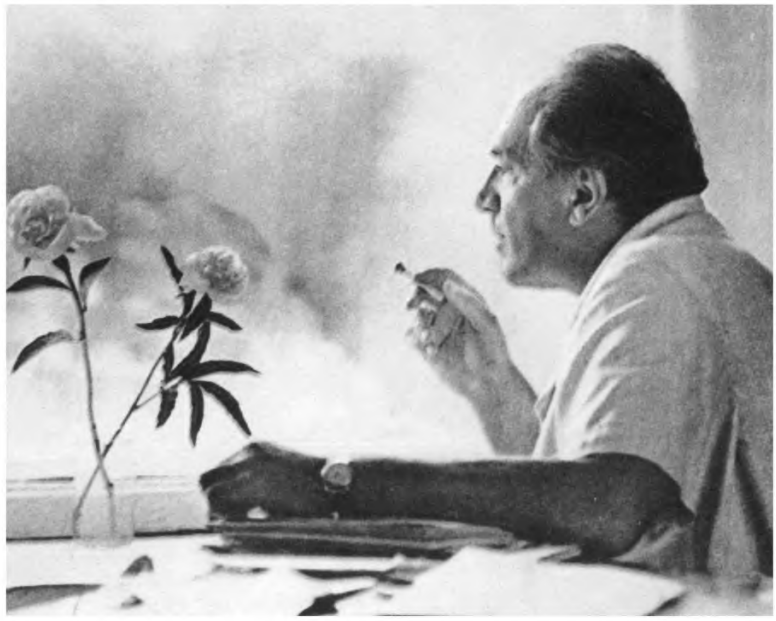
© В. П. Лукьянин, 2005

ческих предпосылок его рассуждений (хотя, насколько помню, внимания слушателей он на нем не фиксировал, полагая его, видимо, само собой разумеющимся). Но вот в чем дело: иллюстрировать эти азбучные истины (не классиками марксизма, кстати, впервые и сформулированные) его наблюдениями и обобщениями было можно, но вот они сами, эти догматы «диамата», решать вопросы, которые ставила перед ученым его наука, никак не помогали. Вот это для нас было очевидно!

Рассказал С. С. Шварц, например, о таком эксперименте: в один аквариум запускают энное количество головастиков — им там просторно, вольготно, корма хватает, и через положенное время из них вырастают полноценные лягушата. А в другой точно такой же аквариум (для наглядности Станислав Семенович изобразил оба аквариума мелом на доске) запускается вдвое больше головастиков — и этим уже тесно, корма не хватает. Тогда у некоторых из них отрастают хищные челюсти, и они начинают убивать своих «собратьев по популяции», а в результате из второго аквариума в конце концов выходит столько же лягушат, сколько из первого. Очевидно, что природа жестоко, но рационально распорядилась «малыми сими», но, черт возьми, объясните-ка с помощью «материя первична — сознание вторично» эту ее способность позаботиться о продолжении жизни популяции ценой жертвы части отдельных особей! Кто отдает «команду»? Кем и как «команда» воспринимается и выполняется? Тут впору уже говорить о «высшем разуме», но ведь даже если и предположить существование такового, то это не освободит ученого от поиска механизмов приспособления популяции к среде обитания.

Это был не единственный в докладе академика Шварца пример такого рода, и было, в общем-то, очевидно, что основной, с точки зрения диалектического материализма, вопрос философии в подобных ситуациях не помогал ученому ровным счетом никак. Не помогали, признавай их или отвергай, и пресловутые законы диалектики. Станислав Семенович так прямо об этом не заявлял, да, вероятно, и в мыслях не держал подтолкнуть нас, слушателей, к вольнодумству. Скорее всего (хотя не могу поручиться, что это точно было), он даже апеллировал к известному положению Энгельса о том, что с каждым новым крупным открытием в естествознании материализм меняет свою форму. Но хрестоматийная формула слишком абстрактна, а выйти к более конкретному результату вузовский курс «диамата» (даже в таком фундаментальном изложении, как у М. Н. Руткевича) не помогал, и выдающийся естествоиспытатель остался перед конкретной научной проблемой без надежного философского инструментария. Вот это мы и почувствовали.

Не стану утверждать, что изучение «диамата» в советских вузах было бессмысленной тратой времени: в добросовестном изложении (к примеру, того же М. Н. Руткевича, Е. Ф. Молевича, И. Я. Лойфмана) этот курс давал будущему специалисту довольно развернутое представление о естественно-научной картине мира и вполне полезную прививку здравого смысла. Но была у этой почтенной традиции и достаточно очевидная оборотная сторона: «ди-



Академик С. С. Шварц. С фотографии 1974 г.

амат» не вооружал исследователя инструментарием, который бы помогал совершать теоретические проникновения в неведомое. Скорее даже наоборот: он устанавливал систему запретов: туда, дескать, нельзя, там тоже табу, а этого просто не может быть, потому что не может быть никогда. Эффективность запретов усиливалась посредством пугающего жупела «ревизионизма». Тут уже ни эрудиция, ни добросовестность профессора ничего не могли изменить: представление о «ревизионизме» как интеллектуальном блуде, который страшнее смертного греха, насквозь пронизывало «священную книгу» вузовского «диамата» — ленинский «Материализм и эмпириокритицизм».

Между тем не только поэзия — «вся езда в незнаемое», но и наука, даже наука — в первую очередь.

В нескольких прежних своих публикациях мне случалось доказывать (хотя эту истину едва ли и доказывать-то нужно ввиду ее очевидности), что весь необъятный массив человеческих знаний — малая песчинка по сравнению с монбланом непознанного. Знания (по крайней мере, их наиболее совершенная разновидность — *научные* знания) тщательно просеяны, «аффинированы», отточены, отшлифованы до брильянтового блеска, выстроены в ожерелья теорий и кристаллические решетки парадигм… Но за ними — бездна, куда еще не проникал человеческий разум. И когда мы приближаемся к этой бездне, оттуда тянет холодом и мраком, а стрелка компаса, направляющего наш рассудок, начинает прыгать и метаться, не помогая выбрать курс.

Лет сорок назад Игорь Золотусский, писавший тогда свою первую книгу «Фауст и физики», делился со мной поразившим его наблюдением: дескать,

крупнейшие ученые, величайшие умы человечества, пробивая никем еще не пройденный путь в неведомое, неизбежно приходят к Богу. А не так давно эту же ситуацию, но уже без «гипотезы Бога» и вообще без тени мистики объяснил в своем выступлении на III лихачевских чтениях в Петербурге академик Н. Н. Красовский: «…На пути к истине располагается барьер, отделяющий познанное от непознанного, и там, за этим барьером, нас может встретить неожиданное. Оно потому и не познанное, потому и неожиданное, что не укладывается в привычные формы мышления. Выдающийся советский математик А. А. Марков разработал понятие алгоритма. “Нормальный алгоритм” Маркова (наряду с тождественными ему разработками Тьюринга и ряда других зарубежных ученых) лежит в основе действия всех вычислительных машин. Между тем сам автор подчеркивал, что это очень узкая форма мышления. И мы до сих пор не можем вырваться из ее границ»[1].

Выйти за грань «нормального алгоритма» — мыслительного шаблона — даже самому совершенному компьютеру не дано («по крайней мере, при сегодняшнем уровне программирования», — уточняет Н. Н. Красовский). Нередко нынче можно услышать, как, желая кому-то польстить, говорят, что у него, мол, «компьютерное мышление». Весьма двусмысленный комплимент! Полноценное человеческое мышление (в отличие от «компьютерного»), кроме теорий и парадигм, опирается на *интуитивное представление о естественном порядке вещей* (или проще: о мировом порядке). Заметьте: не на очередную теоретическую конструкцию (в которую, по существу, и превратился изложенный в учебниках и назначенный к обязательному изучению «диамат»), а на максимально обобщенное представление, в основе которого лежат и непосредственный житейский опыт, и мудрость, отстоявшаяся веками в народных представлениях, в поэзии и музыке, в философских трактатах, и сведения из самых разнообразных источников — не только из научных, но и научно-популярных, а то и вовсе из сомнительных изданий, стремящихся сенсациями поднять свой тираж. В свое время французский культуролог А. Моль с удивлением обнаружил, что «свыше 70 % новых единиц культуры, или новых идей, доходящих до ученого и оказывающих *непосредственное* влияние на его научную работу, поступают к нему по так называемым неформальным каналам»[2].

Это чрезвычайно интересный, многое объясняющий и побуждающий к дальнейшим размышлениям вывод, но детализировать и обсуждать его здесь было бы, я думаю, неуместно. Зафиксируем главное: интуитивное представление о естественном порядке вещей отражает мир далеко не так точно и достоверно, как научное знание, зато оно неизмеримо полней, многогранней, объемней. И если вновь обнаруженный научный факт не поддается интерпретации в рамках существующих теорий и парадигм, то в интуитивном представлении о мировом порядке он с чем-то непременно стыкуется и сочетается. Включить этот факт в смутно ощущаемый миропорядок — все равно что перебежать по зыбким камешкам через ручей. А уж когда оказался там, на другом берегу, можно подумать и о «постоянной переправе» — о том, чтобы

с помощью новых, но надежных средств привязать освоенное «неведомое» к известному. Собственно, в том и заключается механизм научного поиска.

Хочу подчеркнуть, что не следует преувеличивать роль смутных, недостоверных сведений, которые, как я вслед за А. Молем попытался показать, тоже участвуют в процессе, ведущем к научному результату. Во-первых, тот же исследователь подчеркивает: «Обладая должной научной культурой, ученый сам исправляет и восполняет эти искаженные и обрывочные сведения, восстанавливает их логический смысл, и это *побуждает* его к поиску соответствующей информации в специальных научных журналах»[3]. Именно это я имел в виду, говоря о постройке «постоянной переправы». Но главное я вижу даже в другом: само интуитивное представление ученого о естественном порядке вещей отнюдь не равнозначно досужему всезнайству какого-либо разгадывателя кроссвордов: неутолимая любознательность в сочетании с годами отработанным и потому едва ли уже не инстинктивным навыком сопоставлять, расчленять, анализировать, обобщать приводят к формированию в сознании ученого четко организованной мыслительной конструкции, которая обладает всеми признаками философской системы. Но это не догматическая система, помещающая мысль ученого в клетку, а мировоззренческая платформа, на которую можно опереться, пролагая пути в неведомое.

Вот почему каждый настоящий ученый — «по определению» философ, и когда-то мы остро почувствовали это, слушая блестящий доклад С. С. Шварца. Доклад, по сути дела, о том, как научный поиск наталкивает ученого на философские вопросы и как философские прозрения способствуют успеху научного поиска.

За прошедшие с той поры три десятилетия мне много раз и на множестве новых примеров (и прежде всего при общении с ныне живущими уральскими академиками) случалось убеждаться в эффективности взаимовлияния науки и философии. И этот опыт позволяет мне очень убежденно высказываться в поддержку философской подготовки студентов, а особенно аспирантов — уж эти точно идут в науку. Только польза от этой подготовки будет не тогда, когда прилежно заучивается для экзамена некоторое количество «основополагающих» (из «диамата») или просто «нетленных» (из «истории философии») истин, а тогда, когда (пусть и с использованием этих старых истин) прививается вкус к философскому мышлению, тренируется способность за «ближним планом» конкретной научной проблемы видеть пульсацию мирового порядка, вырабатывается интеллектуальная смелость, необходимая для того, чтобы «перебежать по камешкам через ручей»; чтобы, преодолев инерцию «компьютерного мышления», шагнуть за грань «нормального алгоритма» в пугающий и завораживающий мир неведомого.

---

[1] Образование в условиях формирования нового типа культуры: III Междунар. лихачевские науч. чтения. СПб., 2003. С. 89.

[2] *Моль А.* Социодинамика культуры. М., 1973. С. 25.

[3] Там же.